

P. o. russ.

88

У

15876

Изь Библіотеки для чтенія

при Книжномъ магазинѣ

НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВА

ОВСЯННИКОВА.

№ 2057

Р. о. т. н. 88V

15876

15876

ДОСТОПАМЯТНІЙ ВРАЧЪ
И
ІОАННА СЕВЕРЯНОВА
ПРИКАЗЪ

**ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКЪ
ЩАРЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГРОЗНАГО.**

STANLEY J. MURRAY
1894
APRIL 10 1894
STANLEY

ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКТЪ
ЩАРА
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГРОЗНАГО.

Историческая повѣсть.

ВЗЯТАЯ ИЗЪ ДРЕВНЯГО НОВОГОРОДСКАГО
ПРЕДАНІЯ.

Николаемъ Оминымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.
1834.

A/52/Mv

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи предспавлены были
въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 23 Декабря 1833 года.

Ценсоръ В. Сениновъ.

**СЫНАМЪ СВЯТОЙ
РОДИНЫ.**

**Bayrische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN**

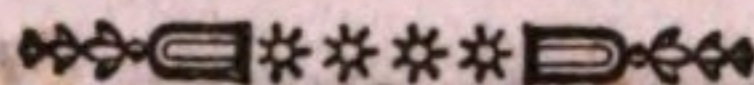
Что пальма, что вѣнецъ лавровый,
Что обелискъ и мавзолей? . . .
Дробить ихъ въ прахъ Хронъ суровый,
Подъ сильною пятой своей.
Какъ метеоръ въ зыбяхъ эѳира,
Такъ слава исчезаетъ міра
Въ шуманной дальности временъ! . . .
И что сіять въ ней можетъ вѣчно?
Кто свяжетъ время быстропечно,
И воскреситъ къ безсмертью плѣнь! . . .

И воспринимать кр. беспримыслию и беззакониям
 Ясно сражаешь врагов (вспомни)
 И что сивилла в ней не могла предсказать
 В ту минуту, когда ты вступил в мир!
 Так слава неослабна и вечно
 Как мнемоника в слове и в звуке
 И что сивилла в ней не могла предсказать
 В ту минуту, когда ты вступил в мир!
 И воспринимать кр. беспримыслию и беззакониям

**ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКЪ
ЦАРЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.**

..... Заплачу
Дань спаринъ ——— и ворочу
Давнымъ давно бывые годы ..

Въ то время когда еще Новгородъ назы-
вался Великимъ (*) и заключалъ самъ всѣ до-

(*) 1569 года, въ царствованіе Ивана Васильевича
Грознаго.

говоры съ Королями Шведскими; въ то время еще все въ немъ напоминало прежнее владычество и величіе Республики — и оспашокъ довольствія, и домъ Ярославовъ, и врапа храма Святыя Софіи. Умолкъ вѣчевой колоколъ, но еще съ гордостію указывалъ Новогородецъ то мѣсто, гдѣ висѣлъ онъ.

Если вѣришь преданіямъ, то Великій Князь Иванъ Васильевичъ, въ слѣдъ за увозомъ въ Москву Вѣчеваго колокола, далъ повелѣніе разрушить и его башню; — обстоятельство, не подтверждаемое свидѣтельствами современныхъ лѣтописей, но не менѣе того достойное вѣроуваженія. Славное Новгородское *Вѣче* собиралось не далеко отъ дворца Ярославова. Названіе *Вѣче* производятъ отъ слова вѣщать, и оно означаетъ народное собраніе для совѣта. Здѣсь рѣшались всѣ важныя, иногда и неважныя, дѣла бывшаго Новгорода, и мнѣніе народа было непоколебимымъ приговоромъ. Сюда собирались Князья, и Сановники и весь народъ Новгородскій. —

На вѣчевыхъ собраніяхъ объявляли войну; заключали мирныя и торговые договоры; выбирали и низлагали духовныхъ правителей, судили поступки Князей, Посадниковъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ и каждый изъ народа какъ дѣйствительный членъ Вѣча, былъ въ правѣ объявлять гласно свои мнѣнія касательно благосостоянія Новгорода.

Русская Правда, данная благодарнымъ Ярославомъ великодушнымъ Новгородцамъ, дала имъ поводъ въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ упираться на волю сего Великаго Князя; и его преемники, уважая память достойнаго предка, часто дозволяли Новгородцамъ простираеть слишкомъ далеко свою свободу.

Неизвѣстно, когда именно устроено *Вѣче*. Первоначальныя народныя собранія отличались разсудительностію и безприспастіемъ; но

въ послѣдствіи, когда Новгородъ ознакомился съ Ганзою, вмѣстѣ съ ея товарами переходили сюда и Нѣмецкія спраспи. Мало по малу Вѣчевыя совѣщанія становились безпорядочнѣе, и въ послѣдствіи почти всегда представляли картину хаоса. *Въ теченіи ста лѣтъ*, говорилъ Высокопреосвященный Евгеній, *болѣе тридцати Князей перемѣнилось у Новогородцевъ, и рѣдкой не съ бесчестіемъ отъ нихъ былъ выгоняемъ.*

По удареніи въ Вѣчевой колоколъ, всѣ спекались на площадь, и народные крикуны объявляли громогласно причину созванія. Угрожала ли война Новгороду — и его жители собирались разсуждать, что для нихъ выгоднѣе: миръ или война.

Рѣшались ли на первый: всѣ спокойно расходились по домамъ своимъ; объявляли ли войну: всё принимало свои мѣры, торговые

люди превращались въ воиновъ и крики: *Умремъ за Святую Софію! Кто противъ Бога и Великаго Новгорода!* раздавались по многолюднымъ концамъ Новгородскимъ. Шумъ и дѣятельность торговли обращались въ военныя пригошовленія; неперпѣніе сразиться за родину смѣшивалось съ печалію женъ и матерей: всякая изъ нихъ пренепала объ участи близкаго ея сердцу; невѣсты прощались съ нареченными женихами, и крупныя слезы красавицъ капились по нѣжнымъ личикамъ, какъ жемчугъ по гладкому бархату. Тогда прямая любовь была въ модѣ: она не походила на пороховую вспышку, и сердце дѣвушки не загоралось опѣ перваго встрѣчнаго предмета. —

Быль ли народъ недоволенъ своими сановниками: ударяли въ вѣчевой колоколь, и судъ свершался надъ обвиненными. Часто Посадникъ, вспавая съ упреннаго ложа, не думалъ

что через нѣсколько часовъ его принудяшъ покупаться въ Волховѣ, а иногда и спустишъся на дно онаго. Виновнаго Новгородцы сбрасывали съ моста въ рѣку, и несчастный утонулъ, если какой — либо особенный случай не спасалъ его. Дома казненныхъ рѣдко оставались въ цѣлости; раздраженные жители кидались туда на разграбленіе. Иногда несчастная жертва суда народнаго была убиваема на мѣстѣ самаго собранія, и кровь спрадальцевъ упишала волненіе.

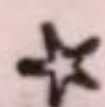
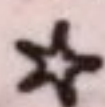
Нерѣдко несогласія, производившія на Вѣчѣ, бывали причинами ссоръ междуусобныхъ: Софійская спорона вооружалась на Торговую, и для прекращенія драки, — надлежало разводить мостъ, ихъ соединявшій; часто одинъ конецъ города воспавалъ на другой, улица вооружалась противъ улицы, и Новгородцы въ жару ссоры разскаивали другъ другу головы. Подобныя происшествія обыкновенно оканчива-

лись шѣмъ, что нѣсколько буйныхъ головъ приплачивались жизнью за порывы необузданнаго своевольства. Одна только власпъ Первосвященителей удерживала стремленія народной ярости, и враги снова спановились друзьями — до будущей драки.

Вѣчевыя собранія почти всегда совершали прошивное желаніямъ и требованіямъ Великихъ Князей. Долго Новгородцы испытывали ихъ терпѣніе; наконецъ, какъ говорится: нашла коса на камень, и мощная рука сильнаго Самодержца повергнула колесо ихъ счастья. Иванъ Васильевичъ III, раздраженный за сопрошивленіе, оказанное Новгородцами Его волю, и узнавъ ихъ желанія опойши опѣ Россіи и передаться Польшѣ, не замедлилъ съ своимъ воинствомъ придти къ мятежнымъ Республиканцамъ: разбилъ собранныя ими дружины, — и полагая, что для общаго спокойствія гораздо выгоднѣе вѣчевому колоколу пе-

реселился въ Москву, нежели висѣлъ надъ Волховомъ, отправилъ его въ свою столицу, и шѣмъ положилъ конецъ вѣчевымъ собраніямъ, а съ ними и Новгородской вольности.

Вѣчевой колоколъ сохранился въ своемъ видѣ до 1714 года; въ сіе время его перелили въ новую форму. Впрочемъ не на одной только площади дворца Ярославова было описанное вѣче: подобныя ему бывали иногда и въ Софійскомъ Соборѣ, а во время походовъ собирались и въ войскѣ. —

Давно прошло время Новгородскаго владычества. Не спало посадниковъ, не спало Борецкихъ, но они жили въ памяти народной, украшенные всѣми прелестями воображенія; они и въ темной могилѣ еще своими именами

возвышали духъ согражданъ и Новгородцы гордились великими своими Сановниками, забывъ погубныя слѣдствія свободы, они помнили выгоды оной. Сами избирали своихъ присяжныхъ и наказывали виновныхъ. Ганзейскіе шовары песпрѣлись на площадяхъ Великаго Новгорода. Волховъ шумѣлъ подъ веслами барокъ, и торговля процвѣтала, какъ и прежде; Новгородскія красавицы въ своихъ пѣсняхъ народныхъ славили могущество города Великаго; юноши гордо ходили по его широкимъ улицамъ, гдѣ каждое мѣсто швердило имъ вняшно о дѣлахъ знаменимыхъ ихъ предковъ. Часно еще повпорялась хваспливая пословица: *кто противъ Бога и Новгорода Великаго* и пріятною гармонією отзывались слова сіи въ душахъ Новгородцевъ, какъ отголосокъ временъ счастливыхъ и прошедшихъ.

Среди сихъ развалинъ прежняго величія жилъ знаменимый купецъ Дружининъ. Онъ

торговалъ съ госпями иносѣранными и слылъ за морями и въ Великомъ Новгородѣ купцомъ честнымъ, надежнымъ и богатымъ. Но не слава, не великое богатство веселило гражданина Дружинина; юный Андрей былъ его единственнымъ утѣшеніемъ, отрадою спарости и груснаго одиночества. Дружининъ не могъ наглядѣться на восхищательную красоту своего сына, не могъ нахвалиться его познаніями въ Нѣмецкомъ языкѣ, не могъ надивиться пріятности очаровательнаго звука рѣчей Андрея.

Но Андрей былъ всегда задумчивъ, убѣгалъ шумныхъ бесѣдъ Новгородскихъ и любилъ мѣста уединенныя, любилъ сидѣть на крупомъ берегу Волхова и читать иностранныя книги. Часто спарецъ смотрѣлъ на сына и качалъ съдую свою голову, часто спрашивалъ его съ участіемъ: » Опъ чего ты не радостенъ, Андрей? или какая нибудь кручина

лежишь у тебя на сердцѣ?» Но Андрей бросался въ объятія родителя, цѣловалъ его и опивчалъ: «Пока ты живъ, родимый, не узнаешь сынъ твоей кручины злой. « — Тогда у добраго сшарика показывались слезы и онъ въ душѣ своей благодарилъ Всеблагаго за сына споль милаго, нѣжнаго и прекраснаго. И споч-но во всемъ Новгородѣ не было юноши прекраснѣе Андрея. Красныя Новгородскія дѣвушки на него заглядывались, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; но Андрей никогда не примѣчалъ ихъ взоровъ; не зналъ, какъ любовались онѣ его спройнымъ спаномъ, его русыми кудрями. Никогда алая лента не украшала шляпы его. Молчаливый, задумчивый, онъ рѣдко бывалъ на хоровахъ праздничныхъ.

Можешь быть тайное предчувствіе бѣд-спвій, его ожидающихъ, жило уже въ душѣ юноши; можешь быть воспоминанія упрачен-ной славы Великаго Новгорода, наполняли гру-

спію его сердце. Часпо взирая на бѣгущіе
спруи Волхова, Андрей думалъ: «Такъ же какъ
и прежде быспро шекушъ воды швои; но не
шопъ уже Новгородъ украшается ими. За чѣмъ
не сущесшвовалъ я во времени славы швоей,
городъ могущесшвенный и великій? — и я
бы умеръ за Свяшую Софію, и мое бы имя
было передано градушему пошомству въ пѣс-
няхъ народныхъ, какъ имена *Твердиславовъ* и
Борецкихъ.» Видѣлъ ли Андрей когда величе-
сшвенный закашъ солнца за мрачную шучу,
всегда говорилъ: Такъ закашилось швое могу-
щесшвенное величіе, о святая родина! за шучу
грозную, кошорая можешъ бышъ скоро, со
всѣми ужасами разразишся надъ шобою!!! —

Дружининъ не пересшавалъ молишся о
возвращеніи веселія сыну любезному. Не пога-
сала лампада предъ образомъ Спасишеля и
Николая чудошворца; не опшходили безъ мило-
сшныи нищіе опъ ворошъ дома его. Но Ан-

дрей не дѣлался веселѣе. Пимень былъ тогда Архіепископомъ въ Новгородѣ. Всѣ граждане любили и почитали его какъ отца. Дружининъ пошелъ къ нему и просилъ его молитвы и его совѣта. « Оппусти Андрея » — сказалъ ему Архіепископъ — « съ гостями иносѣрными въ города дальныя; пусть тамъ онъ побываетъ, пошоргуешь нѣсколько времени, тогда веселѣе возвратишься на родину. Сердце юноши пребудетъ дѣятельности, безъ нея оно поскуетъ и мерзветъ, такъ какъ вода остановленная въ печеніи. » —

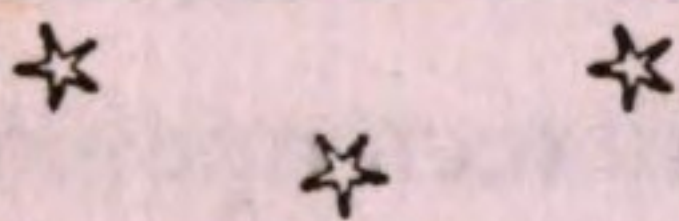
Прискорбна была отцу мысль опустить неопытнаго ни въ чемъ сына, единственное утѣшеніе старости, за моря синія, въ землю далекую; но желаніе Андрея было Дружинину дороже собственнаго, и онъ, снарядивъ его въ дальнѣйшій путь, препоручилъ старому знакомому купцу Нѣмецкому, благословилъ образомъ Спасителя и словами: « Мо-

лись Богу православныхъ и Топъ нигдѣ не оставишь тебя; веселись, гдѣ будешь; но не забывай, что здѣсь на Руси ты выросъ и взлелѣянъ. « Андрей залился слезами, и у доброго спарика такъ же навернулись слезы. » Дашъ Богъ мы опять свидимся, родимый! « сказалъ онъ, прижавъ къ груди сына, и улыбка надежды блеснула сквозь слезы, какъ блеспишь яркая звѣзда сквозь шуманъ осенней ночи.

Быстро понеслась ладья внизъ по Волхову; Андрей сидѣлъ пригорюнясь—смотря на бѣгущіе берега родины. Еще блеснѣлъ вдали крестъ Святыя Софіи, еще всѣ мѣста были ему знакомы. Здѣсь часто ходилъ онъ въ мечтахъ своихъ; здѣсь смотря на несущееся облако, думалъ: ты лѣпишь въ спраны далекія, мо-

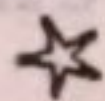
жестъ былъ шуда, гдѣ веселѣе было бы моему сердцу; здѣсь часто, слѣдуя взоромъ за быстрыми спруями Волхова, говорилъ имъ :» Куда вы бѣжите, спруи чистыя? не шуда ли, гдѣ живешъ моя радостъ? « — А теперъ? — и онъ плывешъ въ спрану дальнюю, неизвѣстную; но, казалось, въ Новгородѣ оставляешъ свое счастье. Андрей перекрестился, поднялъ глаза къ чистому небу, произнесъ молитву о родителяхъ и родинѣ, и оперъ слезу горячую.

Время свѣяло грусть съ лица спараго Дружинина. Онъ получилъ о сынѣ добрыя вѣсти; самъ Андрей писалъ ему изъ Любека; былъ здоровъ и съ любопытствомъ разсматривалъ городъ знаменитый. Во всѣхъ городахъ Ганзейскихъ извѣстна была честность

и надежность купца Дружинина; пошому вездѣ съ дружбою принимали сына его, прекраснаго и знающаго языкъ Нѣмецкій. Торговля Дружинина шла своимъ порядкомъ; дни, мелькая однообразно, приближали его къ желанной цѣли — снова обнять любезнаго сына и услышать его рассказы о спранспвованіяхъ далекихъ.

Въ Новгородѣ все было спокойно и Грозный царствовалъ!.. Мрачнымъ окомъ взиралъ Іоаннъ на гордость и высокомеріе Новгородцевъ, воспоминаніе ихъ прежней непокорности и бунтовъ наполняло гнѣвомъ его душу; готовя имъ казнь, онъ ждалъ только предлога для совершенія оной.

Характеръ Царя Іоанна Васильевича Грознаго принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ

характеровъ, кои назначаешъ, кажешся, природа для ознаменованія въ нихъ всей силы своей. Рожденный въ вѣкѣ необразованномъ, среди народа грубаго, чуждаго просвѣщенію, сшоявшаго на первой еще ступени гражданства, онъ явилъ способности необыкновенныя въ мудрой наукѣ правленія, и, можешъ спасться, лишилъ бы Петра славы бытъ первымъ Государемъ въ Россіи, если бы судьба, къ нашему несчастію, не соединила всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ для совращенія его съ пути, ведшаго къ безсмертію : онъ сдѣлался тираномъ. — Разсмотримъ причины сего гибельнаго переворота.

Іоаннъ родился съ душою способною ко всему великому, страстьми пылкими, волею сильною: жизнь его въ обоихъ періодахъ представляешъ множество тому доказательствъ. Воспитаніе исказило сіи дары природы. Остав-

шись почти младенцем послѣ родителей, онъ не имѣлъ надъ собою никакого надзора. Люди, окружавшіе его, не понимали священной обязанности насаждать въ немъ правила добродѣтели, — они вперяли въ него только губельныя мысли о его силѣ, могуществѣ, пошворшвовали жестокимъ его склонностямъ, исполняли всѣ прихоти, надѣясь тѣмъ снискашь благосклонность будущаго Государя, и будущій Государь былъ тогда, по прекрасному выраженію Карамзина, несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской. Характеръ *получилъ направленіе къ сторонѣ порока*, и зло пустило корень. Такъ въ опрочесствѣ своемъ, Іоаннъ любилъ мучить живописныхъ, безчиншвовалъ по улицамъ, изрекалъ смертные приговоры. Всего же важнѣе то, что въ немъ поселилась ненависть къ Боярамъ, сдѣлавшаяся впоследствии главнымъ поводомъ къ ширанишву. Бывъ свидѣтелемъ крамоль ихъ, бывъ долженъ во многихъ случаяхъ покараться имъ и опказы-

вапсья опъ своей воли (такъ въ первые лѣта его сиротства, опияли они у него не смотря на слезы и моленія любимого имъ Телепнева, опдалили надзирапельницу его Бояриню Челаднину; въ глазахъ его хотѣли убить Мипрополиша и заспавили прешашъ самого; послѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, напали на друга его Воронцова), видѣвъ, говорю, пакія ихъ дѣйствія, онъ возымѣлъ недовѣренность къ ихъ усердію, упвердившуюся послѣ спеченіемъ другихъ обстояпельствъ и смотрѣлъ на нихъ уже всегда очами подозрѣнія.

На 18-мъ году опъ рожденія Іоаннъ вспупилъ въ супружество съ добродѣпельною Анаспасіею, но совершенно не перемѣнился ни въ чувспвахъ, ни въ дѣйспвіяхъ, пребылъ такимъ же, какимъ былъ до брака : нерадѣлъ о правленіи, своевольничалъ. Такъ, разгнѣвавшись на несчастныхъ Псковичей, присланныхъ къ нему

съ жалобами, велѣлъ липъ на нихъ горящее вино, пылить бороды и проч. Въ это время явился Іерей Сильверспъ, мужъ безсмертный въ нашей Исторіи, въ Исторіи человѣчества. Онъ овладѣлъ душою юнаго Государя, пресѣкъ бездною путь, по которому шелъ сей послѣдній, и насильно оборотилъ его на путь противный, на путь добродѣтели. Іоаннъ, имѣя въ себѣ силу для всего великаго, пошелъ по оному. Сильверспъ велъ его. Адашевъ и Анаспасія поддерживали. Не стану говорить здѣсь о тѣхъ блистательныхъ подвигахъ, коими онъ ознаменовалъ себя въ сіе славное для него время. Замѣчу однакожъ, что корень зла въ Іоаннѣ, ненависть къ Боярамъ, не былъ уничтоженъ. Это ясно видно въ рѣчи, которою онъ началъ новое свое правленіе.

Въ ней, прося прощенія у собраннаго со всей Россіи народа онъ рѣшишельно обвиня-

ещѣ Боярѣ въ ихъ неисповспвахъ. « Родитсели
о мнѣ не брѣгоша, « говорилъ онъ » а сильніе
» мои Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣша
» и самовласпни быша, и сами себѣ саны и
» чеспи похипи моимъ именемъ, имъ же нѣспѣ
» возбраняющаго, и во многіе корыспи и въ хи-
» щенія и въ обиды упражняхуся. Азъ же яко
» глухъ и не слышахъ, и не имый во успѣхъ
» своихъ обличенія юности ради моея и пу-
» спопы. Они же власпвоваху о неправед-
» ній лихоимцы и хищницы и неправедный
» судъ по себѣ пворяще ! Чпо нынѣ намъ опъ
» вѣспъ даеши, иже многія слезы на ся воздви-
» госпъ ? Азъ же часпѣ опъ крови сея. Ожи-
» дайши воздаяніа своего. « Тоже повпорено
Іоанномъ въ предисловіи къ Споглаву : » навы-
» кохъ ихъ злокозненнымъ обычаямъ, пая же
» мудрспвоваши, яко же и они; и опъ того
» времени, какихъ золь не сопворихомъ предъ
» Богомъ (VIII пр. 198). « Въ письмѣ къ Курб-
скому Іоаннъ ясно говоритъ, какъ былъ недо-

воленъ ими во все это время, въ походѣ на казань, въ войнѣ Ливонской: » излишне « пишешъ онъ » мы миловали васъ недоспойныхъ. Ужъ я не младенецъ, и проч. « — Въ Казани, по окончаніи войны, сказалъ онъ разгнѣвавшись на одного Боярина: » нынѣ оборонилъ меня Богъ опъ васъ. « — Слово важное, копорое одно доказываетъ, что *искра тлилась, хотя и была заглушена какъ вдругъ произшествіе несчастное раздѣваетъ ее, и приготавливаетъ ужасной пожаръ.* Иоаннъ впадаетъ въ болѣзнь опчаянную, всѣ лишены надежды въ спасеніи его жизни; онъ при дверяхъ гроба дѣлаешъ духовную и назначаетъ новорожденного своего сына наследникомъ престола. — Бояре торжественно оппрекаются опъ присяги, говоряшъ ему явно, что не хотятъ признашъ его сына наследникомъ, и своими распрями превожашъ послѣднія минуты умирающаго. Не должно ли это было произвести сильное впечатленіе въ душъ Иоанна, и безъ того уже

недовѣрчиваго къ Боярамъ? какъ? Ему, завоевателю, законодателю, обожаемому подданными, при жизни назначающъ преемника, сыну гоповащъ учаспъ несчастнаго Димитрія! (*)

Не должно ли эпо было, повпоряю, произвѣсти сильное впечатлѣніе въ душу Іоанна? Прибавимъ къ тому, что Сильверспъ и Адашевъ, вѣроятно руководимые чувствомъ любви къ Отечеству, замѣшаны были въ связяхъ съ взбунтовавшимися Боярами, особливо первой, близкій къ двоюродному брату Іоанна, Князю Владимиру Андреевичу, которому Бояре, во избѣжаніе смуты при правленіи малолѣтнаго,

(*) Димитрій, внукъ Іоанна III, сынъ старшаго его сына Іоанна, возведенный дѣдомъ на пресполъ, и послѣ умершій въ темницѣ по воцареніи дяди Василія.

законнаго наслѣдника, хопѣли предоспавишъ престолъ. Могъ ли Іоаннъ вѣрить кому нибудь, когда первые друзья его, учителя добродѣтели, были на сторонѣ его злодѣевъ въ важную, критическую минуту его жизни? Подозрительность и недовѣрчивость въ немъ укоренились. Сама Анаспасія еспеспвенно опдалилась опъ прежнихъ любимцевъ, копорые гошовы были своимъ разчешамъ принесли въ жертву ее и сына. Придворные, изъ зависти, старались еще болѣе очернить всѣ ихъ намѣренія, возбудишъ въ Царѣ соревнованіе къ разумнымъ совѣшникамъ, копорые на его счетъ пользовались славою, (что ясно изъ письма Іоанна къ Курбскому). Іоаннъ, съ возмужалыми спрашями, оспался одинъ на пуши, гдѣ опспавленъ былъ насильно, удерживался до случая только начавшимся навыкомъ къ добру; но сей навикъ слабѣлъ и прежнія искры возгарались. Такъ, поцѣловавъ руку опшельника Вассіана въ благодарность за совѣшъ » не

имѣшь совѣтниковъ умнѣе себя, ибо ему должно повелѣвать, а не повиноваться, « Іоаннъ сказалъ, что самъ отецъ не могъ бы подать ему лучшаго совѣта. — Адашевъ и Сильверспъ, лишенные благосклонности, принуждены были въ послѣдствіи удалиться отъ двора. Царь дѣйствуетъ по своему произволу. Вдругъ умираетъ Анастасія, послѣдняя опора колебавшейся добродѣтели. Опора сія была поль уже слаба, что Іоаннъ, чрезъ 8 дней, позабылъ о ней и началъ пировать въ Дворцѣ своемъ. Адашевъ и Сильверспъ обвиняюща въ оправленіи Царицы. Еще важный поводъ къ ожесточенію! Новые совѣтники Іоанна, пользуясь расположеніемъ его души, поднимающъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, гоненіе на прошивную сторону, на добродѣтельныхъ друзей Сильверспа и Адашева, (кои уже приговорены были къ смерти), обвиняя ихъ въ неуваженіи къ Царю, власполюбіи и прочемъ. Начинающа казни. Многіе устрашенные Бояре предающа

бѣгству въ Липву. Въ войнахъ случается не-
удачи. Іоаннъ видѣтъ вездѣ измѣнниковъ, но
кровопійство не упоминаетъ жажды крови,
какъ говоритъ Карамзинъ, и Іоаннъ дѣлается
Тираномъ постояннымъ, единственно, повпо-
ряю, въ отношеніи къ Боярамъ. Нанося смер-
тельный ударъ сыну, онъ сказалъ : мясоежники!
ты вмѣстѣ съ Боярами хочешь свергнуть
меня съ престола (кар. IX, с. 353). Народъ
терпѣлъ отъ него только въ періодъ Опри-
чины. Таковъ былъ, кажется, ходъ Іоаннова
характера.

Мнѣ хотѣлось показать здѣсь преиму-
щественно, что переменна въ свойствахъ Іоан-
новыхъ была гошова за долго до смерти Анас-
тасіи, что знаменитый нашъ Исторіографъ
слишкомъ рѣзкою уже черпою опдѣлилъ
8-й томъ своей Исторіи отъ 9-го, сказавъ,
что Анастасія унесла съ собою въ могилу

добродѣтель Іоаннову, и попомъ: »приспупаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя опселя начало злу,« и проч. — Зло шло посшепенно. Карамзину не хотѣлось бросить темную пскань на первую блистательную половину царствования Іоаннова, и пошому все дурное опложилъ онъ ко впорой: о нѣкошорыхъ обспояшельспвахъ сего рода упомянулъ онъ слегка, какъ бы мимоходомъ, на другія сдѣлалъ только намѣкъ; удаление Сильверспа и Адашева, произшесшвіе важное, рассказано имъ съ искуснымъ опшводомъ на прешнее въ 9 помѣ, послѣ смерти Анаспасіи, хоща оное случилось прешде.

Впрощемъ, еспъ еще почка, съ кошорой можно смопрѣшъ на Іоанна: не ужели по случаю родился онъ и дѣйспвовалъ почши въ одно время съ Филипомъ II въ Испаніи (1558, 1598), Генрихомъ VIII въ Англіи (1508, 1547),

Хриспіаномъ II. въ Даніи и Швеціи (1513 — 1516), Лудовикомъ XI. во Франціи (1461 — 1483). (Въ нѣкоторомъ отношеніи можно упомянушь здѣсь и о Фердинандѣ II. въ Германіи) (1619 — 1543). Нѣтъ! пустьъ односпоронніе писапели 18-го сполѣтія и ихъ послѣдовапели восклицаютъ, что дѣяніями челоѣческими управляютъ случай! Мы повѣримъ лучше другимъ мыслипелямъ, копорые спараютъ доказатъ намъ, что міръ нравспвенный (испорическій) подчиненъ такимъ же спрогимъ законамъ, какъ и міръ физическій, — повѣримъ имъ, и признаемъ въ сихъ несчастныхъ явленіяхъ души челоѣческой необходи-мыя орудія вѣчныхъ судебъ. Въ XVI. сполѣтіи въ Европѣ должно было успановишься самодержавіе на развалинахъ феодальной системы, господспвовавшей со времени основанія новыхъ Государспвъ, и поспрясенной кресповыми походами: и вошь, являющаяся грозные во всѣхъ концахъ ея, на Воспокъ и Западъ,

Югъ и Сѣверъ, и утверждающъ новый порядокъ вещей.

13

Теперь обратимся къ участи Новгорода. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный по нелѣпому доносу на Архіепископа Пимена, пошелъ съ смертоноснымъ легиономъ своимъ къ Новгороду. Шестъ недѣль продолжалось разореніе города Великаго, шестъ недѣль длились ужасныя, неимовѣрныя мученія его гражданъ. Опъ нихъ хошѣли муками вывѣдашь объ измѣнѣ Пимена никому неизвѣстной — никогда не бывалой. Такъ погибло около 60,000 невинныхъ. *Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладонское озеро.* И знаменитый купецъ Дружининъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ.

Въ ужасныхъ мученіяхъ окончалъ онъ жизнь свою. Богатство, накопленное многолѣтними трудами, въ одну минуту было разхищено и домъ благословляемаго всѣми гражданина превращенъ былъ въ груды пепла. Наконецъ Іоаннъ оставляеши Новгородъ и медленно пошелъ ко Пскову, сопровождаемый спонемъ несчастныхъ. Блѣдныя, какъ привидѣнія, бродили Новгородцы по развалинамъ, города прежде державнаго. Каждый гражданинъ оплакивалъ кого нибудь изъ любезныхъ его сердцу. Сѣшование было общее — и долго плачь не умолкалъ на родинѣ Андрея; а онъ беззаботно жилъ въ Ригѣ, оканчивалъ дѣла торговыя и ждалъ зимняго пути, что бы поспѣшиши къ нѣжному родителю.

Но слухъ, надобно эху, прошекаеши про-спранства — и въ Ригѣ заговорили о несчастіи Новгородцевъ. Андрей воспрепешалъ,

сѣлъ на коня и съ сжатымъ сердцемъ поскакалъ на родину. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Новгороду, тѣмъ досповѣрнѣе спановились рассказы о убійствахъ Іоанновыхъ, и тѣмъ болѣе спѣснялось сердце юноши. — Но еще надежда, какъ зыблющійся свѣтъ угасающей лампы, мелькала изрѣдка въ душѣ его — еще онъ не вѣрилъ всѣмъ ужасамъ, о коихъ говорили — еще думалъ обнять родишеля и съ нимъ вмѣстѣ горевать о бѣдспвіи опчизны. Надежда всегда подруга несчастія; она поддерживаетъ человека въ буряхъ жизни, она и при послѣднемъ шагѣ во гробъ свѣтлой звѣздой сіяетъ еще, сквозь креповую завѣсу неизвѣстности.

Приготовленный уже рассказами ко всѣмъ ужасамъ опалы Іоанновой, Андрей не вѣрилъ еще глазамъ своимъ; увидѣлъ пепелище Новгорода; спѣшилъ къ дому — тамъ печаль-

но чернѣлись обгорѣлыя бревна; спросилъ о
родишелѣ — и узналъ о несчастной его кон-
чинѣ. Замерло сердце осиротѣвшее; какъ подъ
тяжелымъ камнемъ, съ трудомъ подымалась
грудь подъ кручиною. Ни одного слова не вы-
молвилъ Андрей. Ни одной слезой не облѣгчилъ
тоску сердечную: мраченъ и печаленъ, безъ
опца и родныхъ, одинъ, какъ дубъ среди зыбей
песчаныхъ, споялъ онъ среди развалинъ свое-
го счастія. . . .

Но бѣдспвія сближаютъ смертныхъ; и
добрыхъ людей искони было много въ Новгоро-
дѣ. Они пріютили безкровнаго; опогрѣли серд-
цѣ оледенѣлое. Василій Собакинъ, купецъ Нов-
городскій, порговалъ прежде въ домѣ со спа-
рымъ Дружининымъ. Онъ принялъ и сына его,
какъ роднаго; пустилъ въ шоргъ небольшой
капишалъ, Андреемъ изъ Любека привезенный,
и взялъ его въ поварищи. Андрей жилъ въ

домъ Собакина, помогаль веспи счешы, ѳздилъ за спарика въ Москву и Псковъ и переписывался съ госпьми иноспранными. Дѣяшельносшь и время развѣяли не много мрачную кручину Андрееву, и огонь жизни снова заблispалъ въ попухломъ взорѣ.

И на развалинахъ роспушъ цвѣшы красивыя; и въ печальномъ Новгородѣ блиспала восхипешельною красопою дочь Собакина. Каждый день видѣла Марѳа печальнаго Андрея. Доброе чистое сердце ея желало ушѣшишь несчастнаго, облегчить его грусь — и лю-

бовъ слѣдовала за нѣжнымъ соспраніемъ, какъ пылающее солнце слѣдуетъ за денницей.

Марѳа была прелестна, какъ чистая радость. Жемчугъ ли блиспалъ въ кашпановыхъ волосахъ ея, или прослая повязка скрывала ихъ, Марѳа была прекрасна, — прекрасна и въ сарафанѣ бархатномъ и въ одеждѣ вседневной. Но душа ея была прекраснѣе и ея прелестной наружности. Послѣднія бѣдствія родины дали ей опшѣнокъ тихой грусти; но окруженная съ лѣтъ младенческихъ воспоминаніями прежняго величія, нося имя знаменишой Борецкой, Марѳа чувствовала, что родилась въ Новгородѣ Великомъ; кровь слившись съ молокомъ, украшала лице ея румянцомъ несравненнымъ; мужество героини, соединясь съ кротостию дѣвы, образовало въ ней душу прекрасную.

Андрей полюбилъ Марѳу со всею горячностію души пылкой. Въ несчастіи человѣкъ добрѣе, въ несчастіи сильнѣе умѣетъ любить. Одна Марѳа услаждала жизнь Андрея; объ ней онъ только мыслилъ. Всѣ ближніе и родные его лежали въ сырой землѣ. Далеко въ полѣ развѣялъ вѣтръ пепелъ дома опцовскаго; мечты прежнія исчезли; — но Марѳа любила Андрея — и сердце юноши снова забилося для счастія. И могъ ли Андрей не любить Марѳы, прелестной, доброй, чувствительной?

Говорилъ ли онъ о своихъ несчастіяхъ, всегда видѣлъ слезы на глазахъ Марѳы, рассказывалъ ли прежнее величіе и славу Новгорода — выше воздымалась грудь прекрасной, ярче блиспалъ огонь въ черныхъ глазахъ ея. Она слушала и на миломъ лицѣ ея отражалось каждое чувство душевное, какъ въ чистомъ зеркалѣ вода отражается каждое облачко го-

лубаго неба. Всѣ ихъ мысли, всѣ ощущенія были, такъ сказать, близнецами одного сердца. Какъ двѣ струны, одинаково настроенныя опъ прикосновенія къ одной, препенуть обѣ, такъ были души ихъ: что прогало Андрея, не было чуждо Марѣ; что любила Марѣа, то восхищало Андрея. Въ пишинѣ созрѣла любовь ихъ, и честный Василій, обязанный многимъ старому Дружинину, пѣшился и веселился ею. » Когда небо поможетъ тебѣ « — говорилъ онъ Андрею — » и ты разживешися хошя нѣсколь-ко, тогда поспрой себѣ домикъ и возьми съ Богомъ мою Марѣу. «

Андрей былъ въ воспоргѣ. Съ какимъ неперпѣніемъ ожидалъ онъ перваго жаворонка, какъ вѣспника своего благополучія, ибо съ весною должны прибыть и суда съ шоварами. Съ какою радоспію говорилъ онъ Марѣ : Скоро опецъ пвой благословишь насъ и ты

вѣкъ будешь моею. « Умильно взглядывала Марѳа на юношу, нѣжнымъ голосомъ шептала: « Развѣ теперь я не твоя, Андрей? — ты одинъ вся моя радость, все мое счастье! » часто она улыбалась, смотря на Андрея или слушая пылкаго юношу, и думала: не я ли одна съ его лица свѣтала кручину, не моя ли любовь подружила его съ жизнью и веселіемъ? Мысль сія наполняла чистѣйшею радостію прекрасную душу Марѳы, и Андрей ей сдѣлался дороже. Такъ пропекли дни ихъ въ непрерывномъ восторгѣ, — но туча собиралась надъ главою безпечныхъ.

Іоаннъ захопѣлъ искашь благополучія въ прешьемъ супружествѣ. Онъ помнилъ еще добродѣтельную Анастасію, помнилъ счастливые дни, съ нею проведенные — и хотѣлъ воскресить оныя. Но тогда Іоаннъ былъ еще непричастенъ крови безвинныхъ — и сердце его было спокойно и тихо. Съ душою порочною Іоаннъ хотѣлъ насладиться счастьемъ невинныхъ. Во всѣ края простираннаго Царства Русскаго поскакали гонцы Грознаго ; отовсюду свозили красавицъ всякаго званія и рода, дочерей Боярскихъ и простыхъ крестьянокъ, богатыхъ и убогихъ. И Марѳу цвѣтущею юностию и красою, повлекли съ двумя подругами изъ Новгорода.

О, не плачь, Андрей любезный, говорила Марѳа, прощаясь съ другомъ : » я не буду женою Іоанна, что во мнѣ можетъ прельстить его? Долго не увижу тебя — и глаза мои опъ

слезъ померкнушъ, щеки пожелтѣюшъ, я вся изсохну, какъ сохнешъ былинка на солнце безъ росы прохладной. Выберишъ ли Іоаннъ, среди красавицъ цвѣтущихъ, несчастную?» — Но могли ли слова сіи успокоить Андрея? Онъ зналъ, что краше Марѣи нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ ея прелекашелей.

Марѣю повезли въ Москву. Опець уѣхалъ съ нею, оставя все хозяйство и торговлю на рукахъ печальнаго Андрея. Безупѣшенъ, одинокъ, оспался онъ въ домѣ, гдѣ все напоминало ему прежнее благополучіе. Тамъ все было какъ прежде: такъ же пріятно пѣла малиновка въ клѣткѣ надъ окошкомъ, такъ же чисто лоснился споль дубовый — все было какъ прежде; но не было Марѣи — и веселый домъ Собакина казался Андрею мрачнымъ гробомъ.

Не веселилъ Марѳу новый для нея видъ пышной столицы; разнообразіе, пестрота, шумъ на улицахъ не занимали печальную. Она думала о другѣ, и тяжелый вздохъ изрѣдка облегчалъ шоску сердечную. Ее привезли въ Кремль, привели въ комнату, ей назначенную, разлучили съ родителемъ. Одна Ксенія, любимая подруга Марѳы, привезенная вмѣстѣ съ нею изъ Новгорода, ospалась при ней. Ей по повѣрила Марѳа любовь свою, ей описывала своего Андрея, ей говорила о счастіи, ихъ ожидающемъ, и шѣмъ дѣлала сноснѣе для себя разлуку.

» Ты еще не любила, Ксенія — часпо говорила ей Марѳа — » еще не знаешь сладостнаго чувства любить друга болѣе всего на свѣшѣ. О Ксенія! какъ одна нишъ держишъ всѣ бусы швоего ожерелья, пакъ мысль объ Андреѣ связываетъ для меня все прекрасное

во вселенной. О немъ молюсь, споя предъ иконою, о немъ мыслю и засыпая, и встрѣчая раннюю денницу. Свѣшпѣ ли ясное солнце — думаю: оно грѣшѣ и Андрея; вѣперокъ дышѣшѣ прохладой — говорю себѣ: можѣшѣ бышѣ, онѣ игралѣ съ его русыми кудрями. Разорви, Ксенія, нишѣ твоего ожерелья и всѣ бусы упадушѣ на землю: опними у меня Андрея — и свѣшѣ бѣлый мнѣ будѣшѣ могила.»

Добрая Ксенія обнимая свою подругу, вмѣспѣ съ нею молила Бога, да опврашишѣ опѣ нихѣ взорѣ Іоанновѣ.

Никогда Москва не видала въ нѣдрахѣ своихѣ сполько красавицѣ. Болѣе двухѣ тысячѣ, привезенныхѣ изѣ разныхѣ городовѣ Россійскихѣ, были заключены въ черпогахѣ Царскихѣ.

Наконецъ время избранія наступило и, сердца красавицъ забились сильнѣе, иное опъспраха, другое въ радоспной надеждѣ. Въ баняхъ кипѣла вода съ ароматными зельями и опышныя спарушки суешились, омывая юныхъ красавицъ.

Ихъ нарядили въ одинакѣ сарафаны, красные камчашные, обшипые золопою песьмой; жемчужная повязка покрывала волосы и русые и черные; на шеѣ бѣлоснѣжной свѣпилась запонка изумрудная. Всѣ были равно одѣшны, какъ сестры родныя, чшо бы одежда не могла возвыситъ красоты природной.

Множеспво карешъ царскихъ съ дѣвами Русскими попянулось длинной цѣпью къ слободѣ Александровской, гдѣ жилъ тогда Іоаннъ Грозный.

Въ проспиральной свѣшлицѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, сидѣлъ Царь въ бархатномъ, дорогими камнями унизанномъ кафтанѣ. По обѣимъ сторонамъ его спояли Рынды, которыхъ красота уподоблялась херувимамъ, они были въ бѣлыхъ длинныхъ апласныхъ кафтанахъ и въ высокихъ, опушенныхъ соболями, шапкахъ на головахъ; на правомъ плечѣ держали они маленькіе попорики съ длинными серебряными рукоятками. Они спояли пошупя очи и не смѣли шевельнуться. Золотая цѣпь висѣла на шеѣ у споящаго на правой сторонѣ прона, серебряная опличала юношу на лѣвой. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣлъ Дьякъ Царской за столомъ, парчею покрытымъ, имѣя предъ собою списокъ всѣхъ привезенныхъ Россіянокъ. Онѣ входили, одна послѣ другой, и Дьякъ читалъ имя, родину и лѣта каждой. Приближаясь къ Царю, онѣ преклоняли колѣна, клали къ ногамъ его плашокъ заплапанной съ жемчугомъ, каждой съ особенной примѣтой,

и по данному Царемъ знаку удалялись. Ежели нравилась Іоанну опшедшая, онъ давалъ знакъ правому Рындѣ и шопъ бралъ оставленный плапокъ; ежели не нравилась, то поднималъ лѣвый по его же знаку. Дьякъ, наблюдая повелѣніе Грознаго, по онымъ опмѣчалъ у себя въ списокѣ.

Явилась и Марѳа. Блѣдная, съ пошупленнымъ взоромъ, предспала она предъ Іоанна Грознаго; преклонила колѣна и дорогой плапокъ невольно ускользнулъ изъ дрожащей руки. » Марѳа, дочь Василья Собакина Купца Новгородскаго, опъ роду осьмнадцатъ лѣтъ » — прочелъ Дьякъ, ожидая знака руки Іоанновой; но Царь въ безмолвіи любовался красою Марѳы, смотрѣлъ съ удивленіемъ на крошкующу дѣву — и все еще медлилъ, хоша давно уже юноша съ злагою цѣпью поднялъ богатыи плапокъ красавицы.

Много являлось и послѣ Марѣи двѣ цвѣ-
пущихъ; но рѣже поднималъ плашокъ правый
Рында. Недовѣрчивѣе сдѣлался взоръ Іоанновъ.
Блестящія очи, яркій румянецъ, пышная кра-
сота — его не плѣняли; ибо онъ видѣлъ уже
красоту необыкновенную, видѣлъ крошкующу,
прелестную Марѣю. Удалилась и послѣдняя
дѣва изъ красавицъ привезенныхъ. Пересчита-
ли плашки. Болѣе двухъ тысячъ лежало на
лѣвой сторонѣ; на правой было только два-
цать чешыре.

Избраннымъ отвѣли покои въ перемѣ
Царскомъ; прочихъ отдали на руки родствен-
никамъ, наградивъ ихъ и богатыми плашками,
съ коими подходили къ шрону, и сарафанами
съ жемчужными повязками, въ копорыхъ
являлись.

На другой день продолжался выборъ пѣмъ же порядкомъ; изъ оставшихся выбралъ Царь половину — только 12, но въ томъ числѣ была и Марѳа. Долго сравнивалъ красоту ихъ и пріятность, долго не могъ рѣшиться — наконецъ, опустивъ всѣхъ, удержалъ двухъ: Евдокію Сабурову и Марѳу Собакину.

Нужно ли говорить, что происходило въ сіе время въ душѣ Марѳы, какъ пререпешала она при каждомъ появленіи Грознаго, при каждомъ приходѣ кого нибудь изъ его царедворцевъ; ибо выбранныхъ содержали уже какъ Царицъ, не зная копорая изъ нихъ удостоится сего сана. По просьбѣ Марѳы, Ксенія осталась съ нею. Ея дружба утѣшала печальную. Медленно пекло для нея время въ ожиданіи и страхѣ. Царь все еще медлилъ, видѣлъ Марѳу, видѣлъ Сабурову; каждый день сравнивалъ ихъ — и не могъ выбрать.

Трудно сравнивать прекрасный лѣтній день съ тихою лунною ночью; блестящій разноцвѣтнѣйшій водопадъ съ свѣтлымъ спокойнымъ источникомъ — но еще труднѣе сравнивать обѣихъ красавицъ.

Евдокія была прекрасна. Казалось она рождена быть Царицей: такъ высоко носила голову, такъ величественно было каждое движеніе ея прекраснаго спана. Подъ тонкими черными бровями быстро двигались глаза огненные; каждой взглядъ ихъ былъ молніей; каждое движеніе прелестно. Всегда розы пылали на щекахъ Сабуровой, всегда легкая улыбка носилась на устахъ коральныхъ.

Марѳа не имѣла блистательной красоты Сабуровой. Не огонь сердца выражалъ гласъ ея, но крошечность душевную; не яркимъ румян-

цемъ рисовались щеки прелестной, но румянецъ едва занимающейся зари. Рѣдко мелькала улыбка на блѣдныхъ устахъ и густыя длинныя рѣсницы почти всегда прикрывали глазъ спокойный. Онъ открывался только по приказанію Царя и часто Іоаннъ заставлялъ въ немъ слезу еще не опершую.

Но сіи заплаканные глаза, сіи блѣдныя щеки, сіи опшѣнки грусти на лицѣ прекрасномъ, прельстили Грознаго. Блестящая, цвѣтущая Евдокія хопѣла нравишься Царю; но взоръ его плѣнился Марѳой, помной и блѣдной. Радуюсь жершѣ невольной, Іоаннъ, казалось, хопѣлъ и съ наслажденіями супруга соединить утѣхи Грознаго — и выбралъ Марѳу.

Свершилось! — гдѣ твое счастье, Марѳа? — гдѣ тѣ мечты, коими тѣшила тебя надежда? — гдѣ тѣ слезы, кои такъ часто наполняли задумчивыя твои очи? одно слово, одинъ мигъ — и ты всего лишилась, и все вокругъ тебя чуждо и холодно. Открытые глаза твои безъ жизни, неподвижны, пусты, какъ блѣдая луна, вошедшая при свѣтѣ солнца. Холодный ужасъ оковалъ чувствительное сердце, какъ морозъ оковываетъ влажную каплю, въ кошорой прежде такъ прекрасно отражались всѣ цвѣты неба.

Нѣсколько разъ хотѣла Марѳа броситься къ ногамъ Іоанновымъ, признайся ему въ невинной любви къ Андрею, и умолять, чтобы оппустилъ ее въ Новгородъ. Но мрачный взоръ Іоанновъ удерживалъ робкую дѣву. Мысль, симъ признаніемъ погубишь Андрея, устрашала ее. — Теперь свершилось, Марѳа нарѣчена

невѣстой Царской; молишва была единствен-
нымъ утѣшеніемъ Марѣы. Часто по цѣлымъ
часамъ распроспершая предъ образомъ Пречис-
той, она моленіемъ облегчала спѣсенную грудь
свою. Ксенія пеклась о подругѣ, лелѣла ее,
какъ младенца, хошѣла ласками и словами утѣ-
шить несчастную. Въ одно утро вошедшая
Ксенія удивилась, увидѣвъ Марѣу.

Алый румянецъ покрывалъ щеки ея, преж-
де блѣдныя; въ попухшемъ взорѣ блиспалъ
огонь небесной радости. Никогда споль пре-
красною не была Марѣа. Ксенія смотрѣла на
нее, какъ на существо неземное.

» Ксенія — воскликнула Марѣа, увидѣвъ
подругу, и бросилась къ ней на шею : — » какой
сонъ я видѣла въ эту ночь. Вчера долго мо-
лилась предъ образомъ Богородицы. Съ упова-

ніемъ въ сердцѣ, съ молишвою еще на успахъ, закрыла я глаза свои — и вдругъ узрѣла Пречистую. Не плачь Марѳа, сказала она мнѣ, исполни долгъ пвой — награда тебя ожидаетъ; скоро, скоро, ты покинешь землю. Я преклонила колѣна, — хотѣла говорить, не могла, не опъ спраха, но опъ какого-то сладостнаго чувства, которое описать тебѣ не въ силахъ. Не ослѣплялъ меня блескъ лица ея, нѣтъ! какое то спокойствіе было на немъ, которое переливалось и въ мою душу. Чѣмъ болѣе смопрѣла на ликъ Небесный, тѣмъ долѣе желала зрѣть его, и тѣмъ свободнѣе и радостнѣе чувствовала себя. — Я проснулась; сердце мое было спокойно, мнѣ было шакъ легко, какъ будшо я не ша уже Марѳа, которая прежде изнемогала подъ кручиной паяжкой. «

Ксенія слушала съ изумленіемъ и препенала. — Вѣдь это одинъ только сонъ, возра-

зила она. — » Сонъ, Ксенія; но такіе сны упѣшипельны! О, не опнимай опъ меня надежды, чпо онъ исполнися, чпо я умру прежде, чѣмъ буду супругой Іоанна! « (*)

Съ шѣхъ поръ Марѳа перемѣнилась; казалась покойнѣе; не плакала уже о дняхъ прошедшихъ; но часто говорила съ Ксеніей о скорой своей смерти; надежда на оную дала новыя силы душѣ ея — переносишь кратковременную горестъ земную.

И между шѣмъ не прельщали Марѳу ни богатство, ни пышность Двора Царскаго; не веселило величіе родныхъ; она болѣла и сохла

(*) Про все это говоритъ одно древнее преданіе.

какъ цвѣпокъ осенній. Равнодушно смотреѣла на богатые подарки Іоанна, которые каждое утро приносили невѣстѣ; украшала ими монастыри и церкви и ежедневно раздавала милоспѣи нищимъ. Іоаннъ съ прискорбіемъ видѣлъ болѣзнь своей нарѣченной, съ неперпѣніемъ ожидалъ ея выздоровленія, и наконецъ, наскучивъ ожидать, назначилъ день свадьбы — » Уповаю на Бога — сказалъ онъ; — » Богъ одинъ исцѣлилъ Марѳу; пусть именемъ Его благословишь насъ Митрополишь — и сіе доказательство любви моей, можешь быть, послужишь въ пользу болящей. » —

Назначенъ день свадьбы; чрезъ недѣлю послѣ оной должна была празноваться и свадьба старшаго Царевича съ прекрасною Евдокіею Сабуровой.

Начались приготовления къ пышнымъ празднествамъ. Вся Россія радовалась, ожидая новыхъ милостей Царскихъ; одна Марѳа претепшала. Вѣсть сія поразила ее громовымъ ударомъ. Все забытое, прошедшее, невозвратное, снова воскреснуло въ сердцѣ несчастной. Дни невинной радости еще разъ пролетѣли легкой тѣнью. Еще разъ счастье, коего ожидала съ Андреемъ, мелькнуло молніей въ душѣ мрачной.

Марѳа бросилась на шею подругѣ своей. » Ты опять возвратишься въ Новгородъ, » — сказала она ей — опять увидишь Андрея; люби его, Ксенія, утѣшь несчастнаго. Скажи, что мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя просьба что бы онъ жилъ и былъ счастливъ. Пусть соединятся два сердца, которыя были мнѣ такъ близки. Обѣщай, Ксенія, быть женою Андрея. « — Ксенія залилась слезами. « Не

плачь обо мнѣ, Ксенія, и я буду счастлива,
счастливыѣ васъ обоихъ.

Меня ожидаетъ вѣчность — и въ гробѣ
опдохну я опть спраданій и горести. Такъ
Ксенія, я чувствую, что ношу смерть въ груди
своей, и Грозный обниметъ не супругу, а
пруть холодный.»

Пышно праздновали свадьбу Иоаннову. Безпрерывно слѣдовали празднества; вся Москва пировала во дворцѣ его. Узниковъ освободили изъ темницы; виновныхъ проспили. Ежедневно давали милоспыню нищимъ, ода-ряли церкви богатыми сосудами, а царедворцевъ богатыми кафпанами.

Не умолкали моленія во храмахъ о возвращеніи здравія Царицѣ; горы золопа обѣщали искусному врачу, который исцѣлилъ Марѳу. Но искусство врачей не помогало. Марѳа шаяла, какъ воскъ ярый; съ каждымъ днемъ слабѣла, и черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы ошошла въ вѣчность. Ангелъ непорочности передалъ ее Ангелу смерти, и дѣвой скончалась Марѳа, хопя въ вѣнцѣ Царскомъ. Тѣло ея положили въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, подлѣ двухъ первыхъ супруговъ Иоанновыхъ.

И смерть сего Ангела послужила Іоанну поводомъ къ казнямъ. Грозный объявилъ, что Марѳу извели, оправдали недоброжелатели и завистники его счастія.

Подозрѣніе пало на родспивенниковъ первыхъ двухъ Царицъ, Анастасіи и Маріи. Множество Бояръ знаменитыхъ, даже прежнихъ любимцевъ Царскихъ, погибло въ мукахъ. Іоаннъ, по видимому, хотѣлъ облегчить скорбь свою — спрдаіемъ невинныхъ.

Царь женился (28 Октябрю) на больной Марѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ знакомъ любви и довѣренности къ милости Божіей; чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою

человѣческой злобы или только виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ Царственный гробъ ея, стоящій подлѣ двухъ супруговъ Іоанновыхъ, въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горесныхъ мыслей для потомства.

Весна возвратилась, запыли жаворонки; Волховъ сбросилъ ледяныя лапы; суда пришли съ поварями; но ихъ не встрѣшилъ радостный взоръ Андрея. Ксенія возвратилась въ Новгородъ; первый ея вопросъ былъ объ Ан-

дреѣ. Ей указали могилу въ березовой рошѣ. Тамъ покоились оспашки спрадальца; онъ умеръ, услышавъ о выборѣ Марѣы.

Отецъ Марѣы не переспавалъ оплакивать злѣшную судьбу своей дочери.

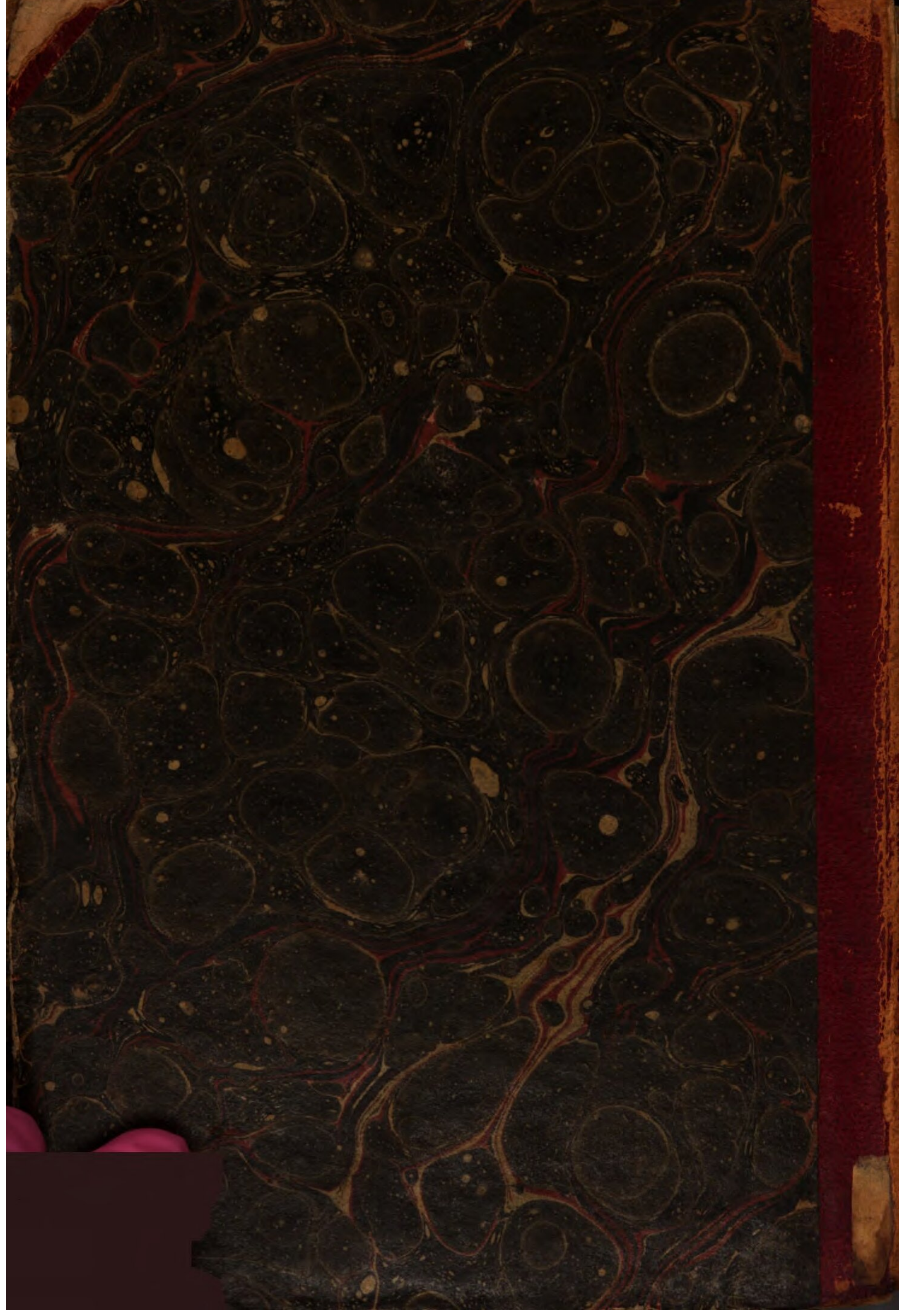
Не прельщалъ его санъ знаменитаго Боярина; онъ удалился отъ Двора, гдѣ все напоминало ему крошкѣю Марѣу. Любопытныя, можетъ быть, спросятъ, что случилось съ Ксеніей? Объ этомъ умалчивается преданіе. Но я думаю, что она поспокоевала, и потомъ вышла замужъ за какого нибудь молодца Новгородскаго.

Прошekli cполѣшiя. — Новгородъ за-
былъ казни Грознаго, забылъ, подѣ счастли-
вымъ skipепромъ *Романовыхъ*, и свои бѣд-
спшiя и свою бурную свободу!...

Второй раздел. — Введение.
Глава первая. Предварительные сведения.
Глава вторая. Религиозные и нравственные
идеи и их влияние на общество.

Šomin, Nikolaj I.

Dostopamjatnyj brak carja Ioanna Vasil'eviča Groznago istor. pověst

Sanktpeterburg 1834

P.o.russ. 88 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610179-7